

Логика предпочтений и решение конфликтов (на примере Карабахского конфликта) - расширенный вариант . В : **МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр перспект. методологий социально-гуманит. исслед.; Ред. кол.: Ильин М.В., гл. ред. и др. – М., 2012. – Вып. 3: Возможное и действительное в социальной практике и научных исследованиях / Ред. и сост. вып. Ильин М.В.**

СУРЕН ЗОЛЯН

Логика предпочтений и решение конфликтов (на примере Карабахского конфликта)¹

Настоящее исследование представляет собой попытку применить аппарат логико-семантического анализа к конфликту – т. е. тому, что никоим образом не является языком или неким иным символическим образованием. Вместе с тем очевидно, что сам по себе конфликт, при всей его физической ощутимой брутальности, есть порождение некоторых концептуальных и ментальных схем, его зарождение следует искать в сфере социального воображаемого, и, стало быть, решение конфликта также возможно именно как символическая перформативная операция (в том числе и в буквальном смысле слова – как текст мирного договора и процедура его подписания и ратификации). Как мы пытались показать ранее [Золян 1994 , 1996, Zolian 1995], в основе протекающего в настоящем конфликта лежит противоречие между различными, причем несовместимыми представлениями о будущем. Поскольку наше исследование выполнено в духе модальной семантики (семантики возможных миров), которая , при схожести проблематики, предполагает в достаточной мере иную стилистику, нежели определяющие для других статей сборника идеи Касториадиса и Тейлора, то считаем нужным вынести за скобки соотнесенность некоторых основополагающих положений, что в дальнейшем может стать темой отдельного исследования. Здесь же отметим лишь основные линии соотнесения между теорией социального воображаемого Касториадиса и современной семантикой.

Схемы модальной логики и семантики могут быть рассмотрены как формализации тех или иных институтов воображаемого. В частности, это относится к использованным нами таким разновидностям модальной логики, как временная логика Прайора и логика предпочтений фон Вригта. Логические схемы воображаемого – это и есть модальная семантика, позволяющая транспонировать модели прошлого в будущее, будущее - в прошлое, представлять будущее (или прошлое) – как настоящее, а настоящее – так как оно (должно стать) в будущем. Можно, вслед за Касториадисом, определить “основную функцию языка - открывать обществу его собственное прошлое” [Касториадис, с .120], - но тогда и вслед за ним требуется добавить: “И наоборот, вполне очевидно, что существенным свойством языка, как и истории, может быть названа способность порождать в качестве модификации своего «состояния» то, что всегда может быть интегрировано в определенное «состояние», способность самоизменяться, продолжая

---

¹ Предлагаемая статья есть расширенная и переработанная версия главы из электронной монографии : [Золян 2000]. Время, прошедшее с момента написания статьи, вовсе не притупило остроту существующих конфликтов, равно как и актуальность предлагаемых решений, но потребовало ряд уточнений и дополнительных разъяснений. Кроме того, в то же время в электронной версии содержались неточности, которые, как нам кажется, устранены в нынешней версии. Нынешняя публикация отменяет предыдущую версию.

эффективно функционировать, постоянно трансформировать непривычное в привычное, оригинальное в усвоенное, способность не прекращать процесс усвоения и устранения элементов, все время оставаясь самим собой” – [Касториadis, с. 120]. Поэтому модальное описание синхронного состояния конфликта позволяет выявить не только диахронию, но и тот спектр возможных будущих состояний.

Само понимание и описание воображаемого есть отношение семантическое - между означаемым и означающим. Но как понимать это отношение? Отношение языка (символа) и мира – проблема фундаментальная для лингвистики и всех гуманитарных наук. И в лингвистике, и в гуманитарных науках в конце XX века уже становится общепринятым понимание того, что язык и языковая деятельность – это не отражение (зеркало) действительности, а механизм сотворения новых миров. Или, как сказал Осип Мандельштам, хотя он ограничивал сказанное поэзией: "... В такой понимании поэзия не является частью природы - хотя бы самой лучшей отборной - и еще меньше является ее отображением, что привело бы к издевательствам над законом тождества, но с потрясающей независимостью водворяется на новом, внепространственном поле действия, не столько рассказывая, сколько разыгрывая природу при помощи орудийных средств, в просторечье именуемых образами” [Мандельштам 1933 – 1994, с.216]. То, как понимал Мандельштам природу поэтического, - для Касториadisа есть суть “воображаемого”: – совпадают и те метафоры, которые оба отвергают, и те, которые оба принимают: “Воображаемое не может исходить из образа в зеркале или взгляда Другого. Скорее, само зеркало, возможность его существования и Другой как зеркало суть творения воображаемого как творчества *ex nihilo*. Все, кто, говоря о «воображаемом», подразумевает под ним нечто «зеркальное», отражение или «фикцию», лишь повторяют, чаще всего неосознанно, утверждения, навсегда приковавшие их к пресловутой платоновской пещере: этот мир неизбежно является образом чего-то иного. Воображаемое, о котором говорю я, не есть образ чего-то. Оно представляет собой непрерывное, по сути своей необусловленное творчество (как общественно-историческое, так и психическое) символов/форм/образов, которые только и могут дать основание для выражения «образ чего-то». То, что мы называем «реальностью» и «рациональностью», суть результаты этого творчества”[Касториadis, с. 207 -208].

Продолжая сопоставление, нетрудно убедиться, что не только означающее, но и означаемое оказываются “результатом” языковой деятельности. Согласно Касториadisу, «...главное состоит в том, что в сфере воображаемого означаемое, к которому отсылает означающее, почти неуловимо и его «способ бытия» по определению есть способ его «небытия». В регистре осязаемого (реального), «внутреннего» или «внешнего», физически различаемое бытие означающего и означаемого дано непосредственно: никто не спутает слово «дерево» с реальным деревом, слова «гнев» и «грусть» с соответствующими аффектами. В регистре рационального различие не менее очевидно: мы знаем, что слово («термин»), обозначающее понятие, - это одно, а само понятие – нечто совсем иное. Но в сфере воображаемого дело обстоит не так просто. Конечно, на первом уровне мы здесь также можем понять разницу между словом и тем, что оно обозначает, между означающим и означаемым: «кентавр» - слово, отсылающее нас к воображаемому, отличающемуся от этого слова существу, которое мы можем «определить» с помощью слов (в чем оно подобно псевдопонятию) и представить себе с помощью образов (в чем оно подобно псевдоощущению). Но даже в этом простом случае (воображаемый кентавр - не что иное, как соединение различных частей тела, взятых у реальных существ) проблема не исчерпывается данными соображениями, так как для культуры, переживавшей мифологическую реальность кентавров, они были чем-то большим, представление о чем нам не может дать ни словесное описание, ни скульптурное изображение. Но как мы можем постичь эту последнюю а-реальность? Мы можем судить о ней как о «вещах в себе» лишь на основании связанных с ней результатов, последствий и производных. Каким образом мы можем постичь Бога как воображаемое значение? Лишь на основании теней (*Abschattungen*), отброшенных им на социальные движения народов - но в тоже время нельзя не видеть, что Бог является условием возникновения бесконечного ряда таких теней, хотя, в отличие от данных в ощущениях явлений, он не может предстать перед нами «лично». Рассмотрим субъекта, переживающего в воображении определенные события, отдающегося грезам или воспроизводящего в воображении то, что было пережито в реальной жизни. Воображаемые сцены состоят из образов в самом широком смысле слова. Эти образы созданы из того же материала, из которого мы можем формировать символы, но являются ли они символами? Для ясного сознания субъекта - нет. Они существуют не для передачи чего-то иного, чем они сами, но «переживаются» сами для себя” [Касториadis, с. 69].

Столь длинная цитата поможет избежать пересказа, что позволит нам сосредоточиться на комментариях лишь к первой и последней из выдвинутых положений. Как часто бывает с критиками лингвистического метода (начиная с Бахтина - Волошинова), Касториadis полемизирует с той «ограниченностью» (мета-)лингвистических средств, которую сам же приписывает современной ему лингвистике. За прошедшие годы (напомним, что оригинальное издание цитируемой книги вышло в свет в 1975 году) лингвистическая семантика успела занять куда более радикальные позиции, чем та, которую предлагал Касториadis. Во-первых, относительно степени «реальности-воображаемости» различных по типу

означаемых. Так ли отлично означаемое слова “дерево”² от означаемого слова “кентавр” (не будем всуе поминать Божье имя)? Ведь и дерево – это может быть не только существующее дерево, но и воображаемое – которое я срубил в прошлом году, которое я задумал посадить через десять лет, которое я увидел во сне, которое я описал в своих стихах – все эти нематериальные деревья, или, точнее референты слова “дерево” - так же принадлежат миру социального воображаемого. Смысл имени описывается в модальной семантике как функция, соотносящая означаемое с теми значениями (референтами), которые данное имя принимает на заданном множестве возможных миров – миров нашей памяти, нашего творчества, наших планов, или же нашего «здесь и сейчас». Думается, аналогия с теорией «социального воображаемого» более чем очевидна. Если же говорить домирующей в настоящее время когнитивной лингвистике, то здесь по сути снято то различие между денотациями таких имен как “дерево” и “кентавр”, которое в определенной мере сохраняется в модальной семантике: семантика имени есть концепт, соединяющее лингвистическое, понятийное, коннотативные и интертекстуальные значения (точнее, различие между этими типами значения оказывается нерелевантным и тут весьма подходящим оказывается используемое Касториадисом сравнение значения слова с магмой³). Концепты, соответствующие словам “дерево” и “кентавр”, по своему типу не отличаются друг от друга. Сегодня лингвисты, говоря об означаемых, в первую очередь ставят вопрос – а как описать эти означаемые? – ведь они потеряли возможность опираться на “реальность” – актуальный мир, поскольку семантика языка сконструирована не как описание некоторого мира, принимаемого нами за актуальный, а как возможность межмировых путешествий. Потому и означаемое есть концепт, требующий для своего выражения некоторую отличную знаковую систему. Как нигде кстати оказывается идея о воображаемом как организующем принципе, который поддерживает единство означаемого и означающего.

И второе – относительно заключительного положения из вышеприведенной цитаты : могут ли быть не-символами «образы воображаемых сцен»? (если отвлечься от «ясного сознания субъекта » - чтобы понять, что это такое, мое сознание оказалось недостаточно ясным). В другом месте Касториадис говорит определеннее : « Что есть значение? Мы можем его описать только как безграничную сеть бесконечных *отсылок к некоему другому, чем то*, что казалось непосредственно сказанным. Это иное всегда может оказаться значением, как и не-значением - тем, с чем значения соотносятся и к чему они отсылают» - [Касториадис, с.133]. . Здесь опять-таки нам видится некоторая непоследовательность. «Безграничную сеть бесконечных *отсылок*» - пожалуй, прекрасная метафора для описания межмировой и интертекстуальной семантики языкового знака. Вопрос лишь в том, что такое «не-значение» - ведь для того чтобы описать (осмыслить, проинтерпретировать) эти не-значения, нам понадобится рассмотреть их в качестве знака (означающего), отсылающего к некоторому новому смыслу/значению, которое может быть выражено, возможно, в том же по форме знаке, но уже принадлежащему к иной метаязыковой или коннотативной системе (ср. с семиотической теорией Л. Ельмслева – Р. Барта). То есть речь будет идти о том, что всякий «выход» за пределы значений к «не-значению» породит новую символическую систему, приведет если и не к созданию нового языка, то к его расширению. Такое уточнение, как нам кажется, в духе характерного для Касториадиса понимания «языка как языка», как одновременно и кода и коммуникации, что возвращает нас к фундаментальной Гумбольдтовской дихотомии языка как эргона и энергии: воображаемое не только творится языком, оно и “закрепляется” фиксируется уже как язык-код, который становится основой для сотворения новых символов и смыслов. И тут уместно вновь обратиться к Мандельштаму, который, на наш взгляд, куда последовательнее выразил мысль, определяющую для теории воображаемого: « Развитие образа только условно может быть названо развитием. И в самом деле, представьте себе самолет, - отвлекаясь от технической невозможности, - который на полном ходу конструирует и спускает другую машину. Эта летательная машина так же точно, будучи поглощена собственным ходом, все же успевает собрать и выпустить еще третью. Для точности моего наводящего и вспомогательного сравнения я прибавлю, что сборка и спуск этих выбрасываемых во время полета технически немислимых новых машин является не добавочной и посторонней функцией летящего аэроплана, но составляет необходимейшую принадлежность и часть самого полета и обуславливает его возможность и безопасность в не меньшей степени, чем исправность руля или бесперебойность мотора. Разумеется, только с большой натяжкой можно назвать развитием эту серию снарядов, конструирующихся на ходу и выпархивающих один из другого во имя сохранения цельности самого движения.» [Мандельштам 1933 – 1994 , с.233]

Знаковая (символическая) основа социального воображаемого очевидна. Какие бы причудливые формы ни принимали бы институты и инструменты социального воображаемого, в их основе будет лежать фундаментальное отношение между означаемым и означающим. На этом пути, используя выработанный в лингвистике и поэтике аппарат, можно пройти на шаг дальше, договорить то, что не договорено у Касториадиса. Воображаемое, основанное на символическом отношении между означающим и означаемым, позволяет достичь той степени свободы, которая не ограничена ни прошлым, ни настоящим (как в случае

² На подобное не-различие между обозначаемым знака и внелингвистическим объектом, которое идет от Соссюра, обратил внимание еще Бенвенист – Соссюр полвека спустя – в кн.

³ Ср: « Мир значений - это магма... В этой магме существуют более густые потоки, узловые пункты, более ясные и более темные зоны, различные вкрапления. Но магма все время движется, набухает, опадает, разжижает твердое и делает твердым то, что было почти ничем» [Касториадис, с. 132 - 133].

икона и индекса). Обоснованию этому посвятил свою ставшую классикой статью Роман Якобсон, но основной вывод он предпочел выразить словами Чарлза Пирса (сам Пирс считал этот вывод своим главным достижением): «Каждое слово есть символ. Каждое предложение есть символ. Каждая книга есть символ... Ценность символа в том, что он служит для придания рациональности мысли и поведению, и позволяет нам предсказывать будущее». Якобсон. Не претендуя на предсказание будущего, мы предлагаем сосредоточиться на наших *представлениях* о будущем.

x
x x

Как уже было сказано, мы исходим из того, что в основе протекающего в настоящем конфликта лежит противоречие между различными, причем несовместимыми представлениями о будущем. Как правило, эти представления о будущем оформляются как реставрация прошлого в настоящем – восстановление того "правильного" положения дел, которое было почему-либо нарушено в прошлом. Именно это и служит объяснением конфликта, являясь его семантикой. Очевидно, что возможное, то есть некоторые, но не все альтернативы, существующие в настоящем именно как возможное будущее, через определенное время тем не менее должны реализоваться в истории. Несовместимые образы будущего могут иметь онтологический статус возможных миров. Они существуют именно как набор (множество) миров, один из которых реализуется в будущем. После того, как один из возможных миров оказывается реализован в истории, статус этих миров изменяется - все остальные миры, остаются возможными, но нереализованными и уже никогда не реализуемыми в истории. Уместно сослаться на расхожую истину: история не знает сослагательного наклонения. Но вместе с тем то, что можно назвать "упущенными" возможностями, тем не менее остаются как возможность, которая может реализоваться в некоторый иной момент истории, в некотором "другом" будущем. Тем самым конфликт, протекающий в настоящем - это борьба за собственный проект, собственный вариант будущего, и течение событий, приводящее в конечном итоге к реализации только одного из вариантов, неизбежно приводит к победе одной стороны и поражению другой. Естественно предположить, что через некоторое время конфликт возобновится – новое "настоящее" предполагает уже новый набор возможных вариантов будущего, и проигравшая сторона попытается, основываясь на "правильной" предыстории, достичь иного состояния дел в уже новом будущем. Схемы временной логики применительно к конфликту приводят к логически бесконечным циклам – то есть к перманентно возобновляемым конфликтам.

Если подобный вывод представляется нам неудовлетворительным, то необходимо изменить наш подход, который и приводит к подобным пессимистическим выводам. Поэтому от логико-семантического дескриптивного моделирования логически противоречивых образов действительности следует перейти к конструированию такого непротиворечивого образа, который затем можно спроектировать на саму действительность. И тут необходимо ответить на фундаментальный вопрос - возможен ли вообще логико-семантический образ (проект) будущего, совместимого с позициями различных сторон конфликта - то есть такого логически непротиворечивого будущего, которое может наступить (наступит ли оно в самом деле - в данном случае вопрос производный). При таком подходе задача может быть переформулирована (переписана) таким образом: какие из пропозиций (состояния дел) будут реализованы в будущем, то есть требуется составить такой текст, предложения (пропозиции) которого могут быть одновременно истинными в будущем времени. От возможной истинности взятых по отдельности пропозиций (истинности в одном из возможных миров-альтернатив настоящего) или же истинности в актуальном прошлом необходимо перейти к их совместимой истинности в будущем. В таком случае мы должны опираться на обращенную форму фундаментальной аксиомы модальной логики: от формулы $P \rightarrow \diamond P$,

- из того, что наличествует некоторое состояние дел (пропозиция) P следует, что оно возможно – перейти к формуле: $\Diamond P \rightarrow (P \vee \sim P)$: если некоторое состояние дел возможно, то оно либо имеет место, либо нет (с возможными классическими и неклассическими вариациями, касающимися закона исключенного третьего, - то есть действует или нет принцип "tertium non datur", "третьего не дано").

Используемые ранее интерпретационные модели временной логики, обладая достаточной объяснительной и предсказуемостной силой, тем не менее приводили к замкнутому кругу: проигравшая (победившая) в прошлом сторона побеждает (проигрывает) в будущем и, соответственно, проигрывает (побеждает), когда это будущее становится прошлым [Золян 1994, 1999] ⁴. Поэтому представляется целесообразным дополнить их содержательными принципами другой, а именно, таким ответвлением модальной логики, как логика предпочтений, которая была разработана одним из ведущих философов-логиков Г.Х. фон Вригтом. Она позволяет не только элиминировать противоречащие друг другу состояния дел, но и логически моделировать выбор из различных, в том числе и взаимоисключающих друг друга альтернатив, наиболее и наименее предпочтительных. Точнее, логика Вригта предусматривает понятие "нулевого мира" - он необходим для того, чтобы "использовать этот "мир" как точку, отделяющую хорошие миры от плохих " [Вригт 1984, 442-443]. Некоторый мир X считается "хорошим", если он предпочитается нулевому миру, и "плохим", если ему предпочитается нулевой мир. Миры, не являющиеся ни хорошими, ни плохими, равноценны нулевому миру (там же). При этом сам нулевой мир "представляет логически невозможный мир - мир, в котором ничто не истинно и ничто не ложно" [Вригт 1986, 442]. Примечательно, что фон Вригт, объясняя содержательные принципы этой логики, начинает описание с логико-семантического статуса двух проблем, которые непосредственно соотносятся с нашей темой: " Когда мы говорим, что предпочитаем мир войне, мы, по-видимому, намереваемся сказать, что предпочитаем определенное состояние дел другому состоянию дел. Состояния дел могут быть названы сущностями типа пропозиции. Последнее означает, что можно рассматривать их как отрицания, формировать из них молекулярные соединения, которые подчинялись бы законам пропозициональной логики. Кроме того, когда мы говорим, что предпочитаем факт независимости страны S ее существованию при правлении другой страной, в терминах отношений предпочтений, по-видимому, будет два состояния дел" [Вригт 1986, 414-415]. Согласно этой логике, модальным оператором оказывается отношение предпочтения (обозначим его знаком $>$), связывающие полные состояния дел (миры):

$" X > Y "$

означает, что "возможный мир X (полное состояние мира) предпочитается (нравится более, считается лучше, классифицируется выше) возможного мира Y " [Вригт 1986, 425].

Не вдаваясь в формальные и технические аспекты логики предпочтений, рассмотрим как описания мира следующие пропозиции:

- 1) (Карабах принадлежит Армении)
  - 2) (Карабах принадлежит Азербайджану)
  - 3) (Армения и Азербайджан находятся в состоянии войны: состояние войны)
  - 4) (Армения и Азербайджан находятся в состоянии мира: состояние мира)
- (для удобства обозначим каждое из этих пропозиций соответствующим порядковым номером – 1, 2, 3, 4)⁵.

⁴ Одну из главков мы назвали: "Наступит ли 1921 год?" - [Золян 2000].

⁵ Эти пропозиции можно привести и в модальной форме:

- 1) Возможно (Карабах принадлежит Армении)
- 2) Возможно (Карабах принадлежит Азербайджану)
- 3) Возможно (Армения и Азербайджан находятся в состоянии войны: Состояние войны)
- 4) Возможно (Армения и Азербайджан находятся в состоянии мира: Состояние мира) .

Таким образом описание универсума будет состоять из двух возможных состояний:

$$(1 \vee 2) \& (3 \vee 4),$$

- Карабах принадлежит либо Армении, либо Азербайджану, и они находятся либо в состоянии мира, либо в состоянии войны.

Таким образом возможны альтернативы (четыре возможных мира), в которых имеет место⁶:

$$(1 \& 3);$$

$$(1 \& 4);$$

$$(2 \& 3);$$

$$(2 \& 4).$$

Чтобы не связывать себя утверждениями о настоящем, которые, вероятно, будут расценены как политически ангажированные, отнесем все эти миры-альтернативы к будущему – не зависимо от того, какое состояние дел мы принимаем за настоящее, в будущем может быть актуализована любая из четырех альтернатив (точнее, все они могут быть реализованы, но в различные моменты времени – а это вновь возвращает нас к постоянно воспроизводимому циклу непрекращающегося конфликта – о чем было сказано выше). Поэтому здесь мы сузим задачу в духе логики предпочтений Вригта - рассмотрим какое из возможных состояний может быть предпочтительнее.

Разумеется, у различных задействованных в конфликте сторон могут быть различные предпочтения. Участников можно сгруппировать в зависимости от их установок - какое состояние из четырех они считают предпочтительным. Можно условиться, что для любого участника при прочих равных условиях мир предпочтительнее войны ($4 > 3$), остальными отношениями предпочтения являются⁷:

$$1) 1 > 2, 1 > 4$$

$$2) 2 > 1, 2 > 4$$

$$3) 4 > (1 \vee 2)$$

Первые две позиции можно условно идентифицировать с позициями сторон конфликта: Мир предпочтительнее войны, однако Карабах ценнее, чем мир. Третью позицию условно можно назвать нейтральной (или "позицией международного сообщества") - неважно, кому принадлежит Карабах, важно, чтобы был мир. Для полноты описания следует предположить и четвертую возможную позицию, внешнего деструктора: неважно, кому будет принадлежать Карабах, важен конфликт, то есть постоянная нестабильность в регионе⁸:

$$4) 3 > (1 \vee 2)$$

Если эти возможные состояния дел ранжировать по их предпочтительности для участников, то возникает следующий спектр возможных в будущем состояний, которые есть ни что иное, как установки сегодняшних действующих лиц:

А) Позицию Армении можно представить как в форме дизъюнктивной форме:

$$((1 \& 3) \vee (1 \& 4)) > ((2 \& 3) \vee (2 \& 4)),$$

так и в конъюнктивной форме:

⁶ Приведенные в скобках конъюнкции – неупорядоченные пары, поэтому $(1 \& 3)$ тождественен $(3 \& 1)$, приведенный порядок введения пропозиций отражает предпочтения участников конфликта. Используются следующие символы: “>” – предпочтение, “&” – конъюнкция, “ $\vee$ ” – дизъюнкция, “ $\sim$ ” – отрицание и “ $\Rightarrow$ ” – импликация, “ $\equiv$ ” – эквивалентность, “ $\diamond$ ” – возможность.

⁷ Напомним, что в логике предпочтений если А считается лучше В, то из этого следует что В – хуже А. Поэтому не имеет смысла приводить в полной форме негативные установки, но будем иметь их в виду.

⁸ Подобный гипотетический участник обычно называется "третьей силой", без определенной конкретизации - к ней обычно апеллируют все стороны, возлагая на нее вину в том числе и за собственные действия. Безотносительно к реальности этой "третьей силы", она существует в ряде политических описаний как нечто действующее извне и мешающее соседним народам жить мирно: в роли этого злого демона в свое время фигурировали царское правительство, Антанта, мировой империализм, большевики, в последнее время – КПСС, США, Россия, НАТО, транснациональные нефтяные монополии и т.д.

$$((1) \& (3 \vee 4)) > ((2) \& (3 \vee 4)).$$

Тем самым желательными мирами (образами) будущего будут
 $(1 \& 3) \vee (1 \& 4),$

которые предпочтительнее, чем нежелательные $((2 \& 3)$ или $(2 \& 4))$. То есть – безотносительно к тому, имеет ли место мир или война, предпочтительнее те миры, в которых Карабах принадлежит Армении. Даже если сама по себе ситуация мира предпочтительнее ситуации войны, но все те миры, в которых Карабах принадлежит Армении, при любых иных условиях предпочтительнее миров, в которых Карабах принадлежит Азербайджану.

В) Позиция Азербайджана зеркально повторяет позицию Армении. Ее также можно представить как в дизъюнктивной форме:

$$((2 \& 3) \vee (2 \& 4)) > ((1 \& 3) \vee (1 \& 4));$$

так и конъюнктивной: $((2) \& (3 \vee 4)) > ((1) \& (3 \vee 4)).$

Желательными мирами будущего для Азербайджана окажутся
 $(2 \& 3) \vee (2 \& 4),$

которые предпочтительнее, чем нежелательные $((1 \& 3)$ или $(1 \& 4))$. То есть - все те миры, в которых Карабах принадлежит Азербайджану, при любых иных условиях предпочтительнее миров, в которых Карабах принадлежит Армении.

Позиции иных участников даже если и отличаются по типу предпочтений - ситуация мира предпочитается всем остальным: $(4 > (1 \vee 2))$ -, тем не менее относительно возможных в будущем состояний дел не могут отличаться от приведенных, почему и вынужденно повторяют позицию одного из участников⁹:

$$(1 \& 4) \vee (2 \& 4).$$

Таким образом, возможны два будущих, различающихся тем, кому будет принадлежать Карабах, и два будущих, различающихся тем, прекращен ли конфликт и наступил мир, или же он продолжается в той или иной форме военного противостояния. Нетрудно видеть, что при подобном подходе для Армении наихудшими явятся все те миры, в которых имеет место (2), и равноценными оказываются (3) или (4) – во всех тех мирах, в которых имеет место (2), различие между (3) и (4) оказывается нерелевантным (в терминах фон Вригта – “строго безразличным”¹⁰). Аналогично, для Азербайджана наихудшими мирами оказываются миры, где имеет место (1), и в этих мирах также элиминируется ценностное различие между (3) и (4). Как видим, в ситуации конфликта поговорка “Худой мир лучше доброй ссоры” не действует, почему и основанное на подобных благих увещаниях “миротворчество” не эффективно.

Таким образом, формульное представление делают очевидным то, что 1) нет пересечений между позициями непосредственных участников конфликта (Карабах принадлежит либо Армении, либо Азербайджану); 2) есть пересечения между позициями международного сообщества и обеими сторонами (умеренными) - мир важнее конфликта и, в некотором ином смысле, 3) между установками “третьей силы” (важна нестабильность в регионе) и обеих сторон, для которых “мир лучше войны, но Карабах важнее мира” (перифразируя приписываемую Рональду Рейгану фразу его госсекретаря Александра Хейга, некогда сказавшего: “есть вещи поважнее мира”). Нетрудно видеть, что при подобном различии предпочтений желаемые образы будущего настолько

⁹ Такая ситуация, среди прочего, объясняет неудачу длящегося уже 20 лет посреднического процесса т.н. Минской группы ОБСЕ - несмотря на, возможно, и искренние заверения посредников в беспристрастности, ограниченность процедур (языковых средств) существующего переговорного процесса не оставляет посредникам какой-либо иной альтернативы, чем в видоизмененной форме повторять позицию одной из сторон. Неудивительно, что стороны конфликта постоянно упрекают, а иногда и обвиняют сопредседателей Минской группы в пристрастности – что в самом деле легко обосновать, проанализировав предлагаемые сопредседателями формулировки.

¹⁰ [Вригт 1984, с. 436 – 437] – это отношение не-предпочтения между двумя состояниями, когда при прочих равных условиях ни один мир А не предпочитается миру В, и наоборот, ни один мир В не предпочитается миру А.

отличны, что для вышеприведенной задачи - найти образ совместимого с установками всех участников будущего - решения нет. Однако дело существенно меняется, если с языка участников конфликта перейти на язык логики предпочтений, а точнее, на возможные ее интерпретации.

Попытаемся заменить используемые пропозиции на их эквиваленты. Возьмем простейшую – двойное отрицание: $(P) \equiv \sim(\sim P)$, поэтому (1) можно заменить на $\sim(\sim(1))$; соответственно, (2) - на $\sim(\sim(2))$.

Перед этим следует уточнить, что имеется ввиду под отрицанием пропозиций и, соответственно, под их противоречием друг другу. Говоря о противоречащих друг другу пропозициях, в первую очередь, следует прояснить то, что понимать под отрицанием пропозиции: ее “содержательную” (“обычную”, “принятую”, “обиходную”) , семантику или же формальную. С обиходной точки зрения отрицанием пропозиции (1) "Карабах принадлежит Армении" явится (2): "Карабах принадлежит Азербайджану" (или все те миры, в которых Карабах принадлежит Азербайджану). Аналогично, отрицанием пропозиции (2) "Карабах принадлежит Азербайджану" явится (1): "Карабах принадлежит Армении" (или все те миры, в которых Карабах принадлежит Армении) .

При “принятой” содержательной интерпретации при замене исходных пропозиций (1) или же (2) на их двойное отрицание ($\sim(\sim(1))$); или же ($\sim(\sim(2))$); воспроизводится исходное противоречие:

Карабах принадлежит Армении и неверно, что Карабах принадлежит Азербайджану,

поскольку $(\sim(1))$ эквивалентно (2). Или же, если взять как исходное (2):

Карабах принадлежит Азербайджану и неверно, что Карабах принадлежит Армении, ибо $(\sim(2))$ эквивалентно (1).

Таким образом, заменяя исходные пропозиции (1) и (2) на эквивалентные им их двойные отрицания, мы воспроизводим имеющиеся противоречия и опять же получаем в перевернутой форме (2) и (1). Так как (1) и (2) несовместимы, то они противоречат друг другу и не могут быть совместно (одновременно) реализованы в истории.

Таким образом, становится очевидным, что мы не в состоянии придти к некоторому совместимому (непротиворечивому) положению дел путем “содержательного” отрицания исходных пропозиций, поскольку получаемые таким образом будущие состояния дел опять-таки несовместимы. Как видим, замена исходной пропозиции на эквивалентные ей отрицания или следствия не приводит к снятию противоречий, которые повторяются и далее. Тем самым можно считать опровергнутым достаточно распространенное в “практической конфликтологии” положение – при котором решение конфликта видится в замене некоторого положения дел, которое мы считаем причиной конфликта, на противоречащие ему. Такое решение по сути учитывает позицию только одного из участников конфликта.

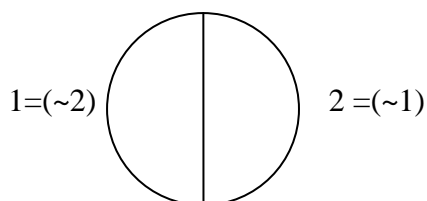
Однако дело существенно меняется если от “содержательной” или “общепринятой” интерпретации перейти к формально-логической – тавтологической¹¹: “Карабах принадлежит Армении и неверно, что Карабах не принадлежит Армении”. Казалось бы, она должна быть исключена из рассмотрения именно по причине своей тавтологичности. Однако эта тавтологичность снимается при переходе к следствиям. При формально-логической интерпретации отрицанием пропозиции (1) явится не (2), а куда более широкое множество миров (~ 1), в которых Карабах не принадлежит Армении, и в некоторых из них, но не во всех, принадлежит Азербайджану. “Содержательное”

¹¹ Напомним общепринятое: все предложения логики суть тавтологии, и “то обстоятельство, что предложения логики - тавтологии, *показывает* формальные - логические - свойства языка, мира” (Витгенштейн, "Трактат", 6.12). Заметим, однако, что в последнее время это положение было оспорено – [Я.Хинтикка, 1996].

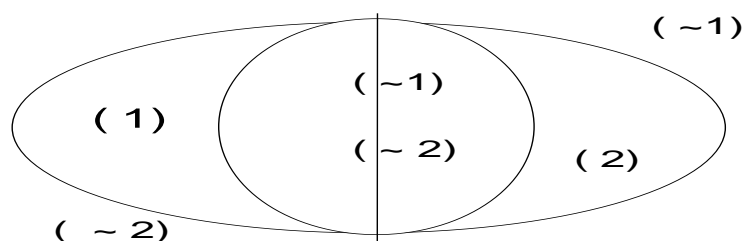

отрицание (Карабах принадлежит Азербайджану) явится частным случаем более общего формального (Карабах не принадлежит Армении). Миры (~ 1) включают как подмножество миров (2), так и некоторое множество иных миров (~ 2). Соответственно, миры (~ 2) включают миры (1): миры, в которых Карабах не принадлежит Азербайджану, включают и те миры, в которых Карабах принадлежит Армении, так и те из множества (~ 2) , в которых это положение дел не имеет места (~ 1).

Обиходная интерпретация пропозиции (1 $\vee$ 2) делит универсум на две непересекающиеся части : Карабах принадлежит Армении или Карабах принадлежит Азербайджану, и третьего не дано - (1) $\vee$ (2).

При формальном подходе становится очевидным что формально отрицаемая пропозиция (~ 1) шире, нежели обиходное или содержательное отрицание (2) - так, отрицательная форма (~ 1) - (Карабах не принадлежит Армении) - или же в более точной формулировке (неверно, что Карабах принадлежит Армении) - включает в себя и (2), но не ограничивается этим : множество миров, в которых Карабах не принадлежит Армении, разбивается на подмножество миров, в которых Карабах принадлежит Азербайджану, и подмножество миров, в которых Карабах не принадлежит ни Армении, ни Азербайджану¹². В случае интерпретации отрицательной формы пропозиции (2) ситуация аналогична – миры, в которых Карабах принадлежит Армении, есть подмножество миров, в которых Карабах не принадлежит Азербайджану. Соответственно универсум разбивается не на два непересекающихся множества миров, а на четыре сегмента – (1), (2), (~ 1), (~ 2), -

где возможны следующие конфигурации–конъюнкции:

а) (1) & (2) – пустое множество миров, невозможный мир, который можно считать нулевым в смысле Вригта, или утопией – “ если бы было возможным”, и относительно которого можно было бы оценивать предпочтительность тех или иных миров с точки зрения нейтрального наблюдателя;

¹² Во избежание недоразумений заметим, что конкретизация участников может быть и иной. Поэтому формула (~ 1) & (~ 2) не значит, что Карабах принадлежит, скажем , Пакистану – в таком случае место Армении или Азербайджана в приводимой формуле займет Пакистан , и конфликт будет протекать между Арменией или Азербайджаном, с одной стороны, и Пакистаном, с другой.

- в) (1) & (~2) – “проармянский” сегмент;
 с) (2) & (~1) – “проазербайджанский сегмент;
 d) множество миров, соответствующие конъюнкции ((~1) & (~2)) – область пересечения между “проармянским” и “проазербайджанским” сегментами.

Формальная интерпретация может показаться не имеющей какого-либо реального смысла - ведь говоря о каком-либо состоянии дел, например, о статусе Карабаха, нам важно, кому он принадлежит, а не то, какая из описывающих его пропозиций оказывается ложной. Казалось бы, говоря о реальном мире нас интересует только содержательный аспект – например, нам важно знать, где работает наш сосед, а не то, где он не работает. Но даже и тут возможны ситуации, когда формальная интерпретация оказывается удовлетворительной (например, нам достаточно знать, что наш сосед *не* работает в тайной полиции). К аналогичным результатам мы придем, если вместо замены исходных пропозиций на их двойное отрицание рассмотрим выводимые из них следствия. При этом получаемые посредством операции отрицания формулы должны получать формальную, а не содержательную интерпретацию. Это оказывается особенно важно при рассмотрении предпочтений, где принято, что если некоторое состояние дел “Р” оценивается позитивно, то оно предпочитается его отрицанию: $P > \sim P$, и наоборот.

Теперь вспомним о предпочтениях, которые были указаны ранее, и попытаемся в соответствии с ними распределить эти конъюнкции. Для армянской стороны предпочтительными будут все те миры, где имеет место

$$(1) > (2).$$

Отсюда вытекает ряд следствий. Поскольку, как предусмотрено фон Вригтом, “плохому” миру предпочитается его отрицание, из чего следует, что миры (~2) будут предпочтительнее миров (2).

$$(\sim 2) > (2).$$

Поскольку, в силу их эквивалентности, пропозицию (~2) можно заменить на

$$(1) \vee ((\sim 1) \& (\sim 2)),$$

то мы получаем: $(1 \vee (\sim 1) \& (\sim 2)) > (2)$, из чего следует: $((\sim 1) \& (\sim 2)) > (2)$.

Чтобы полнее описать логику предпочтений армянской стороны покажем и другое, более очевидное предпочтение. Поскольку “хороший” мир предпочтительнее, чем его отрицание, то имеет место также и $(1) > (\sim 1)$, где (~1) может быть заменено эквивалентом - $((2) \vee ((\sim 2) \& (\sim 1)))$, из чего следует, что $(1) > ((2) \vee ((\sim 1) \& (\sim 2)))$, то есть миры (1) предпочтительнее не только миров (2), но и миров $((\sim 1) \& (\sim 2))$.

Таким образом, предпочтения армянской стороны описываются как:

$$(1) > (2); (1) > ((\sim 1) \& (\sim 2)); ((\sim 1) \& (\sim 2)) > (2).$$

Для армянской стороны миры $((\sim 1) \& (\sim 2))$ будут хуже, чем миры (1), но лучше, чем миры (2) – то есть мы нашли для армянской стороны то множество миров, которое хуже лучшего мира, но лучше, чем худшие миры.

Как и для армянской стороны, эти же миры $((\sim 1) \& (\sim 2))$ для азербайджанской стороны будут лучше, чем худшие миры (1), хотя и хуже, чем лучшие миры (2). Доказательство тому полностью повторяет вышеприведенное, поэтому ограничимся воспроизведением формул без пояснений. Для позиции, которую мы идентифицировали с позицией азербайджанской стороны, имеет место $(2 > 1)$ и вытекающие из него $(2) > (\sim 2)$ и $(\sim 1) > (1)$. Заменяя (~1) и (~2) на их эквиваленты и произведя сокращения, мы получаем обобщенную формулу предпочтений азербайджанской стороны:

$$((2) > (1) \vee (\sim 1 \& \sim 2)) \& ((2) \vee ((\sim 1) \& (\sim 2)) > (1)),$$

то есть имеет место: $(2) > (1); (2) > ((\sim 1) \& (\sim 2)); ((\sim 1) \& (\sim 2)) > (1)$, откуда явствует, что миры $(\sim 1) \& (\sim 2)$ пусть и не лучшие, но и не худшие.

Заметим, что содержащие знак предпочтения формулы несимметричны. Это значит что отношение предпочтительности между возможными мирами не является эквивалентным: они не только нерезлексивны по определению (ни одно состояние дел не

может предпочитаться самому себе), но, как и было показано фон Вригтом, несимметричны и, за исключением некоторых особых случаев, транзитивны. Это значит, что предпочтительность (1) влечет предпочтительность (~2), но неверно, что предпочтительность (~2) влечет предпочтительность (1). Аналогично, предпочтительность (2) влечет предпочтительность (~1), но неверно, что предпочтительность (~1) влечет предпочтительность (2). Во всех мирах, где имеет место (1), имеет место и (~2), но в тех мирах, где имеет место (~2), возможно как (1), так и возможно (~1). Соответственно, для стороны, для которой предпочтительным является состояние (1), в тех мирах, где не имеет место состояние (1), предпочтительнее окажется ((~1) & (~2)), нежели (~1). Аналогично, для стороны, для которой предпочтительнее состояние (2), во всех тех мирах, где оно не имеет места, предпочтительными окажутся миры (~1) & (~2).

Парадоксальным образом нулевой мир (1) & (2) оказывается для сторон конфликта одновременно и лучшим миром, и худшим, в то время для стороннего, но благожелательного наблюдателя он является наилучшим: это та утопия, где наилучшим образом соблюдены интересы всех сторон.¹³ Отсюда, согласно Вригту, следует два решения – считать все возможные миры плохими либо же напротив, хорошими. В одном случае эти миры мы оцениваем как лучшие, чем невозможный нулевой мир – что “соответствовало бы крайне жизнерадостной и оптимистичной позиции, видящей все возможные миры как хорошие” – [Вригт, 1986, 443]. В другом случае, хоть и вынужденные довольствоваться тем что есть, мы тем не менее оцениваем эти миры как худшие, чем нулевой мир – “последнее соответствовало бы позиции крайнего пессимизма: каждый возможный мир – плохой”.

Тем самым, отказавшись от содержательной интерпретации отрицания в пользу формальной, можно найти искомое решение: от миров возможных, но взаимоисключающих друг друга в один и тот же момент времени (соответствующих нулевому миру фон Вригта или существующих в воображении международных посредников), перейти к парадигме миров, которые в будущем могут быть реализованы в один и тот же момент времени. Возможность может быть проинтерпретирована как возможность в будущем – это комбинированная модальность, объединяющая оператор актуализации в будущем времени F и оператор возможности $\Diamond$. Если некоторое состояние дел возможно, то в будущем оно либо актуализуется, либо не актуализуется:

$$A \rightarrow \Diamond A; \Diamond A \rightarrow F(A \vee \sim A).^{14}$$

Как было выявлено выше, в будущем возможны три состояния дел:

$$\Diamond ((1) \vee (2) \vee ((\sim 2) \& (\sim 1))) .$$

Из этого следует, что в будущем могут быть реализованы все три состояния. Это, несмотря на его кажущуюся тривиальность, есть крайне важное заключение. Очевидно, что состояния дел (1) и (2) возможны и могут быть реализованы в истории. Однако при этом одновременная реализация (1) и (2) невозможна ($\sim \Diamond (1 \& 2)$). Вместе с тем не является обязательным (необходимым), чтобы было реализовано хотя бы одно из этих

¹³ Единственный недостаток этого мира – то, что он никогда не может быть актуализован. Это странным образом не замечается в реальной практике разрешения конфликтов, когда утверждается, что предлагаемое решение наилучшим образом учитывает интересы всех сторон конфликта. Как видим, и в этом случае “реальность” оказывается куда более “идеальной” или даже эфемерной, нежели претендующая на формализацию теория.

¹⁴ [Прайор 1981, Прайор 2000]. Рассматриваемый случай наиболее близок к той версии временной логики, которая дана в [Смирнов 1984, 16], где возможность не связывается с обязательной реализацией в истории – “если нечто возможно, то не исключается ситуация, когда его не было, нет и не будет”, почему и возможность определяется им как то, что “когда-то было, что когда-то будет”.

состояний, это может случиться, но может и не случиться – $\sim (\sim \diamond \sim (2 \vee 1))$. Напомним, что необходимость в данном случае удобно представить отрицание невозможности обратного состояния дел. В терминах временной логики это получит следующее представление – “невозможно” будет заменено комбинированной модальностью – “никогда не было, нет и не будет”, а “необходимо” – “всегда было, есть и будет”. Обобщая обе формулы, мы получаем:

$$\sim \diamond (1 \& 2) \& \sim (\sim \diamond \sim (2 \vee 1)),$$

- невозможно, чтобы Карабах принадлежал и Армении, и Азербайджану, и вместе с тем возможно, но необязательно, чтобы Карабах принадлежал либо Армении, либо Азербайджану (или : неверно, что необходимо, чтобы Карабах принадлежал либо Армении, либо Азербайджану)..

Из вышеприведенной формулы можно получить различные следствия. Так, если имеет место (1), то неверно, что имеет место или возможно (2), и наоборот. Противоречивой оказывается и конъюнкция ($1 \vee 2$) & ((~ 1) & (~ 2)), и, стало быть, такое состояние дел невозможно и никогда не будет реализовано в истории. Тем самым, за исключением нулевого мира ((1) & (2)), возможны все состояния, описываемые формулой

$$(1) \vee (2) \vee ((\sim 2) \& (\sim 1))$$

, но только одно из состояний является совместимым будущим – ((~ 2) & (~ 1)), или тем будущим, которое не обязательно, что приводит к конфликту (см. ниже) . Привлечение модального компонента (возможной истинности в (будущем)) позволяет уйти от тавтологических кругов и безальтернативности. Возможно некоторое состояние дел, которое, с одной стороны, для всех участников предпочтительнее не всех, но некоторых остальных состояний дел. Оно не является лучшим ни для кого из обоих участников конфликта, но вместе с тем и не является худшим. С другой стороны, это состояние дел является единственно возможной альтернативой несовместимому нулевому миру ((1) & (2)). Областью пересечений миров-следствий из базовых пропозиций (1) и (2) явится совпадающее возможное будущее: конъюнкция двух отрицательных пропозиций – ((~ 2) & (~ 1)).

На каком основании мы считаем, что совместимое будущее, которое к тому же для обеих сторон является предпочтительнее худших миров, есть единственно приемлемая альтернатива ? Безусловно, можно встретить и противоположный подход: это позиция радикалов, требующих “все или ничего”, и для которых неприемлемы все те возможные состояния дел, которые не совпадают с наилучшим миром. Но куда более совпадает с общепринятыми представлениями то понимание, которое мы исходно сформулировали как задачу по поиску того образа будущего, которое совместимо для всех сторон конфликта, что можно интерпретировать как модель для его разрешения. В свое время при семантическом моделировании конфликта мы предложили рассматривать как модель разрешения конфликта удаление из описания мира (конъюнкции пропозиций) несовместимых конститuent, то есть тех, которые сами или же их следствия приводят к противоречию и, тем самым, к несовместимости возможных (в будущем) миров (Золян 1996).

Здесь следует вернуться к рассмотрению того, насколько согласуется выбранное решение с состояниями войны (3) и мира (4). В отличие от ранее рассмотренных ситуаций (1) и (2), в данном случае предпочтения участников относительно состояний (3) и (4) те же: ((4) > (3)). Однако приняв за основу допущение о том, что наихудший вариант для одной из сторон приводит к состоянию конфликта, мы тем самым обязаны принять как предпосылку, что состояние (4) обладает наивысшей ценностью, но – по крайней мере, с точки зрения самих сторон конфликта - только не в наихудших из миров. Исключать их и их приоритеты из рассмотрения на той основе, что они придерживаются “неправильных” взглядов и с ними надо лишь провести

“разъяснительную” работу, было бы неоправданным упрощением¹⁵. Поэтому следует рассмотреть, как соотносятся миры, где имеет место (1) или (2), с мирами, в которых имеет место (3) или (4) и, что представляет наибольший интерес, уточнить - какое из состояний дел влечет - или же совместимо – с (4). В формально-логическом отношении - это независимые состояния дел (возможен конфликт между Арменией и Азербайджаном и из-за какой-либо иной проблемы). Но поскольку мы ограничиваемся именно Карабахским конфликтом, то в поле рассмотрения попадают только те миры, которые связаны с Карабахом и с его статусом. Поэтому все остальные состояния дел можно рассматривать как производные от двух первых пропозиций и их следствий, что можно отразить как импликацию:

$$(1 \vee 2) \rightarrow 3,$$

или через эквивалентную формулу:

$$(1 \rightarrow 3) \& (2 \rightarrow 3)$$

– принадлежность Карабаха Армении или Азербайджану влечет состояние конфликта.

Как было показано выше, позицию внешнего наблюдателя (“мирового сообщества”) можно представить как: $4 > (1 \vee 2)$ – “мир важнее, чем кому принадлежит Карабах”, или же в эквивалентной форме относительно возможного в будущем состояния дел:

$$(1 \& 4) \vee (2 \& 4)$$

Но, поскольку мы приняли, что $((1 \vee 2) \rightarrow 3)$, то подобное состояние оказывается противоречивым и нереализуемым – разве что в нулевом невозможном мире, в котором могут иметь место (3 & 4), равно как и (1 & 2). Тем самым имеет место:

$$\sim((4) \& (1 \vee 2)),$$

что эквивалентно формуле: $((4) \vee (1) \vee (2))$ – не может быть мир, если Карабах принадлежит Армении или Азербайджану, или, иными словами, или мир, или война – поскольку, как было отмечено выше, $(1 \vee 2)$ влечет 3, то формула $((4) \vee (1) \vee (2))$ сокращается до тривиального $((4) \vee (3))$ – мир или война.

Это, в свою очередь, уменьшает множество совместимых возможных в будущем миров. Если мы принимаем, что в будущем может быть только состояние дел $(1) \vee (2)$, и не может быть реализовано никакое другое, то во всех возможных мирах будет актуализовано также и состояние конфликта: $((1) \vee (2) \& (3))$, (позиция радикалов с обеих сторон, поддерживаемая “третьей силой”). Но, как было показано выше, спектр возможностей не исчерпывается состояниями $(1) \vee (2)$, а включает также и $(\sim 1) \& (\sim 2)$, и возможность актуализации (4) может быть соотнесена только с этой третьей альтернативой.

Хотя затруднительно говорить о какой-либо содержательной причинно-следственной связи между ними, но, тем не менее, (4) не противоречит и тем самым совместимо с состоянием $(\sim 1) \& (\sim 2)$, третьей из возможно реализуемых в истории альтернатив. Между этим состоянием и состояниями (3) и (4) нет жесткой зависимости, поэтому имеет место следующее соотношение:

$$((\sim 1) \& (\sim 2)) \rightarrow ((3) \vee (4)),$$

то есть состояние $((\sim 1) \& (\sim 2))$ совместимо с состояниями как войны, так и мира.

Для полноты картины рассмотрим также и состояние (~ 3) и (~ 4) . Возможность подобных состояний предполагаются некоторыми очевидными логическими

¹⁵ Ср. Хотя бы с последним по времени редактирования данной статьи Заявлением сопредседателей или Верховного Комиссара ЕС Катрин Эштон: “Ultimately this is a choice that the leaders of Armenia and Azerbaijan need to make themselves, in the best interests of the people they represent. We know which choice we would like them to make: it is the choice of compromise and peace”.- [Ashton 2011].

преобразованиями. С одной стороны, это предпочтения лучших миров худшим: $(4) > (\sim 4)$; $(\sim 3) > (3)$, так и модальное преобразование : $P \rightarrow \Diamond(P) \rightarrow \Diamond(P \vee \sim P)$. Как видим, речь опять-таки идет только о возможности (в будущем) и предпочтительности. Другое дело, как интерпретировать (~ 3) и (~ 4) : принять ли, что возможны только два состояния – войны или мира, и тем самым , что $(\sim 3) \equiv (4)$, а $(\sim 4) \equiv (3)$ или же допустить и иные возможности – считать , что состояние не-войны не обязательно есть состояние мира, а отсутствие мира еще не есть состояние войны. Выбранный ответ никак не влияет на результаты исследования. Мы сами, считая, что непривычность оперирования выражениями (~ 3) и (~ 4) носит не логический, а лингвистический характер (см. ниже) , склоняемся ко второму решению, но читатель, для которого это решение не приемлемо, может проигнорировать все те формулы, где будут встречаться выражения (~ 3) и (~ 4) , в особенности их конъюнкцию, которая при таком подходе оказывается противоречивой, и считать достаточными только (3) и (4) . Но вместе с тем очевидно, что состояния (3) , (4) , (~ 3) и (~ 4) не являются независимыми друг от друга и определенным образом соотношены между собой. Единственное, что можно предположить, что (~ 3) и (~ 4) если не эквивалентны, то шире, нежели, соответственно, (4) и (3) – они не могут не включать их в качестве подмножества, то есть в мирах (~ 3) , в которых не имеет место состояние войны, может иметь место либо состояние мира, либо некоторое состояние одновременно не-войны, но и не-мира: $(\sim 3) \equiv (4) \vee ((\sim 3) \& (\sim 4))$. Аналогично, $(\sim 4) \equiv (3) \vee ((\sim 3) \& (\sim 4))$. Это может быть прочитано и в модальной форме: не во всех возможных мирах, где не имеет место состояния войны (мира) , имеет место состояние войны (мира) .

Поскольку интерес представляет то единственное состояние $(\sim 1) \& (\sim 2)$, которое может привести к состоянию (4) , то дополним приведенную выше формулу состояниями (~ 3) , (~ 4) и $(\sim 3) \& (\sim 4)$ и получим :

$$((\sim 1) \& (\sim 2)) \rightarrow (3) \vee (4) \vee (\sim 3) \vee (\sim 4) \vee (\sim 3) \& (\sim 4).$$

В силу вышеприведенных эквивалентностей состояния (~ 3) и (~ 4) путем сокращения элиминируются, что приводит к: $(\sim 1) \& (\sim 2) \rightarrow (3) \vee (4) \vee (\sim 3) \& (\sim 4)$.

Что касается ранжирования этих альтернатив по предпочтительности, то, в отличие от предыдущего, в данном случае предпочтения участников те же: $((4) > (3))$, из чего следует также $(\sim 3) > (3)$ и $(4) > (\sim 4)$. Заменяя (~ 3) и (~ 4) на их эквиваленты и произведя соответствующие сокращения, мы получим также и: $(4) > (\sim 3) \& (\sim 4) > (3)$, то есть состояние $(\sim 3) \& (\sim 4)$ хуже лучшего, но лучше худшего: после сокращений некоторых возможных экзотических формул возникает трехчленная градация от наилучшего состояния (4) к менее предпочтительному $(\sim 3) \& (\sim 4)$ и наихудшему состоянию (3) .

Таким образом, при выбранной нами “широкой” интерпретации состояний $(\sim 3) \& (\sim 4)$ мы несколько расширяем спектр позитивных возможностей. При “узкой” интерпретации были возможны как оптимистический - $((\sim 1) \& (\sim 2)) \rightarrow (4)$, - так и пессимистический - $((\sim 1) \& (\sim 2)) \rightarrow (3)$ - сценарии будущего. Между ними располагается третья возможность - мира, которые хуже оптимистических вариантов и лучше пессимистических:

$$((\sim 1) \& (\sim 2)) \rightarrow ((\sim 3) \& (\sim 4)).$$

Таким образом, если в мирах, где имело место (1) или (2) , неизбежно (в рамках данной модели) имело место и (3) , то при изменении первых двух пропозиций не исключаются и другие возможности: (4) , $(\sim 3 \& \sim 4)$. Таким образом, мир, в котором имеет место $((\sim 1) \& (\sim 2))$ является не только единственно совместимой версией будущего для обеих сторон конфликта , но и также и той единственной альтернативой, которая пусть и не исключает наиболее нежелательное состояние (3) , но вместе с тем допускает спектр в той или иной мере отрицающих его состояний - начиная от состояния мира до альтернатив, отрицающих состояния войны. При этом это состояния $(\sim 3 \& \sim 4)$ с точки зрения всех участников предпочтительнее, чем состояние (3) . Более того, подобная интерпретация окажется единственно приемлемой, если в нашей модели мы “ужесточим”

позиции сторон, приняв: что не только $((1) \vee (2)) \rightarrow (3)$ - , но также и $(1) \vee (2) \rightarrow (\sim 4)$, и $((\sim 1) \vee (\sim 2)) \rightarrow (\sim 4)$, - “нет и не будет мира, если Карабах не наш”. Тем самым – в силу вышеприведенной эквивалентности $(\sim 4) \equiv (3) \vee ((\sim 3) \& (\sim 4))$ исключается возможность вышеприведенного “оптимистического” варианта, и при таком подходе единственной позитивной альтернативой оказывается состояние $(\sim 3 \& \sim 4)$:

$$(1) \vee (2) \vee (\sim 1) \vee (\sim 2) \rightarrow (\sim 4),$$

где, заменяя $(\sim 1) \vee (\sim 2)$ на их эквиваленты, мы в результате сокращения получаем:

$$(1) \vee (2) \vee ((\sim 1) \& (\sim 2)) \rightarrow (3) \vee (\sim 3 \& \sim 4),$$

то есть при “ужесточенном” подходе состояние мира ни при каком состоянии реализовано быть не может. Но вместе с тем введение в рассмотрение подобного состояний (~ 3) и (~ 4) позволит также не столь жестко связывать состояние (3) с состояниями (1) или (2) , которые приводят к несовместимому для сторон будущему. В нашей модели мы исходили из того, что $(1 \vee 2) \rightarrow (3)$ – следуя заявлениям сторон: “Если Карабах не наш, то война”. Но возможна и вышерассмотренная позиция: “Не может быть мира, если Карабах не наш”, где не-мир (~ 4) можно интерпретировать не только как эквивалент состояния войны (3) , но и предложить более широкую интерпретацию – как $(3) \vee ((\sim 3) \& (\sim 4))$. Это делает возможным актуализацию состояния $(\sim 3) \& (\sim 4)$ совместимого не только с состоянием $(\sim 1) \& (\sim 2)$, но и с состояниями $(1 \vee 2)$. Понятно, что стороны, исходя из политических целей связывая (4) только с лучшим для себя состоянием дел и даже декларативно не признавая иных, не-лучших для себя ситуаций, тем не менее, могут, “сохранив лицо”, достичь совместимого общего будущего, - не достигнув мира, избежать войны. Этому в данном случае может и способствовать отсутствие четких наименований для подобных неопределенных ситуаций.

Полученный результат может показаться экстравагантным и далеким от реальных политических процессов. Ведь политический процесс, казалось бы, направлен на поиск определенности - установление прочного мира, исключая ситуацию конфликта, и такое окончательное уяснение статуса Карабаха, которое было бы приемлемо для всех сторон. Поэтому образом будущего должны были бы быть миры $(1 \vee 2) \& (4)$. Но, согласно представленному подходу, такой мир, декларируемый как конечная цель политического процесса, наступить не может - как мы показали выше, (1) или (2) приводит к (3) . Мы склонны считать, что “нормальное”, требующее однозначности решение, есть иллюзия, создаваемая языком, который представляет интересы одной из сторон как единственную возможность.

Что касается того, насколько возможен мир $((\sim 1) \vee (\sim 2)) \& (4)$, который выводим логически, то его “необычность” или же “политическая невозможность” носит даже не “политический”, а скорее лингво-политический характер. Как было отмечено выше, установление мира – состояние (4) - связывается сторонами с мирами $(1 \& 4) \vee (2 \& 4)$: “мир может наступить лишь тогда когда Карабах будет наш”. Как ни парадоксально, но та же позиция, выраженная той же формулой, но только в иной нотации - $(1 \vee 2) \& (4)$, - характеризует позицию “международного сообщества” “не важно кому принадлежит Карабах, но мир возможен, если Карабах будет принадлежать кому-либо”. Так что мир $((\sim 1) \& (\sim 2)) \& (4)$ пусть и логически возможен, но не входит в “горизонт предпочтений”¹⁶

¹⁶ Горизонт возможностей или предпочтений, согласно фон Вригту, включает не все возможные состояния, а только те, которые характеризующие субъекта: “Ошибочно представлять себе пространство состояний как включающее в себя *все* состояния, которые можно реализовать или не реализовать в мире, и представлять полные описания как полные состояния реального мира. Пространство состояний, внутри которого существуют холистические предпочтения, ограничено. Я буду говорить, что оно определяет *горизонт предпочтения* субъекта в определенное время. Это означает, грубо говоря, что оно включает

- так как (4) связывается только с состояниями (1) или (2) и поэтому оно оказывается вне возможных артикулируемых версий приемлемого (совместимого) будущего, что и было смоделировано нами в “ужесточенной” модели.

Что касается ситуации (~4) & (~3), то и она, на наш взгляд, вовсе не является фантомным результатом логических операций, которому ничего не соответствует в действительности. Напротив, она представляется нам экспликацией некоторого “негласного компромисса” – того состояния, которое не может быть открыто заявлено, которое нельзя признавать ни политически¹⁷, ни лингвистически – для этого нет подходящих языковых выражений, но которую стороны конфликта согласны по крайней мере терпеть (пусть и заявляя время от времени, что их терпение скоро иссякнет) . Очевидным образом это состояние хуже чем (4), но оно по крайней мере лучше, чем нежелательное для всех (3).

Как видим, возможны миры, которые будучи выразимы логически, не выразимы в существующем словаре политико-правовых отношений, который в этом копирует лексическую организацию языка. Тем самым, помимо интересов сторон, нацеленных на достижение максимального результата, конфликту способствуют и антонимическая организация естественного языка. Так, существуют специальные обозначения только для антонимических отношений (бинарных противопоставлений, оппозиций) - "мир " - "война", а двучленная оппозиция - это и есть семантическая форма конфликта (подробнее см.: [Лотман 1992, Золян 1999). Что касается иных типов отношений, то соответствующие обозначения отсутствуют - в языке оказываются невыразимы такие отношения, как (~1)&(~2), равно как и (~4)& (~3] - "ни мира, ни войны", поскольку антоним “мира” в естественном языке - это “война”, и наоборот¹⁸. Это, конечно же, сужает спектр лингвистических выражений для логически и физически возможных состояний. Соответственно, эти состояния оказываются исключены из рассматриваемого политико-правового горизонта предпочтений.

Так что речь может идти о двух политических процессах - том, который декларируется, и требует однозначности (и кроме того, может быть описан средствами языка), и том, который хотя и игнорируется в политических описаниях (как де-юре несуществующее), но тем не менее определенным образом соотносится с реальностью (как недолжное де-факто). Для этого игнорируемого процесса предложенные формулы оказываются более адекватным инструментом описания, и реальная практика политических решений в самом деле склоняется к парадоксальной формуле:

$$(((\sim 1) \& (\sim 2)) \& ((\sim 3) \& (\sim 4)))$$

Именно такое состояние, при котором не реализуются одновременно как лучшие, так и худшие для сторон возможные состояния дел, в результате оказывается наиболее

состояния, которые субъект принимает во внимание как образующие соответствующие обстоятельства, с которыми он согласует свое предпочтение или не-предпочтение между обстоятельствами” – [Вригт,1986, с.422].

¹⁷ Свидетельством тому многочисленны заявления в которых говорится о недопустимости “состояния ни мира ни войны и необходимости установления мира” . Вместе с тем в обиходе используются некоторые перифразы для этих состояний – “отказ от применения силы”, “прекращение огня” , “перемирие” и т.п.

¹⁸ Разумеется, мы несколько схематизировали реальную картину - в языке возможны не только бинарные лексические оппозиции, а также такие многочленные, как : "мужчина - женщина – гермафродит - человек", где предпоследний член совмещает признаки первых двух, а в последнем происходит нейтрализация этих признаков. Кроме того, возможны описательные выражения (типа приведенного "ни мира, ни войны", или же: " ни в городе Иван, ни в селе Селифан"), а также особый риторический прием - оксюморон - "мирная война", "живой труп" и т.д. В некоторых случаях к подобным выражениям приближаются и термины политического лексикона, напоминающие словообразовательные модели Орвелловского “двоемыслия” (doublethink): например, модное в последнее время выражение " peace-enforcing" - его переводом должно служить скорее выражение "военный мир", ”мир, достигаемый и поддерживаемый посредством войны”, нежели “принуждение к миру”. Очевидно, однако, что все эти средства лежат на периферии лексико-семантической и семантико-синтаксической организации языка.

устойчивым (поскольку лучший для одной из сторон мир оказывается худшим для другой). Поэтому, наблюдая реальную историю Карабахского конфликта начиная с 1988 года¹⁹, можно заметить маятникообразное возвращение к такому состоянию дел: после силовых попыток добиться лучшего (и в языковом отношении однозначного) политического решения устанавливается неопределенная ситуация: неопределенная как в отношении статуса, так и ситуации мира/открытого противостояния. Если вначале преобладает логика силовых решений – как инструмент “реальной” политики, то на следующем этапе она уступает место логике предпочтений.

Покажем это на двух примерах - первая ситуация имела место в рамках СССР, вторая - после распада СССР. Так, в 1988 году, после того, как высшие органы власти Армении и Азербайджана приняли взаимоисключающие решения, соответствующие состояниям (1) и (2), интенсивно обсуждались следующие возможности - повышение статуса автономии Нагорного Карабаха, вплоть до придания ему статуса союзной республики, а также прямое президентское правление или прямое подчинение союзному центру. Все эти варианты если и не укладывались в формулу ((~1)&(~2)), то приближались к ней. Был создан так называемый Комитет особого управления (КОУ), который, безусловно, был шагом по выводу Карабаха из административного подчинения Азербайджану и в случае его более продолжительного существования привел бы к реализации ситуации "ни Армении, ни Азербайджану". При этом, хотя и имели место постоянные столкновения между проживающими в Карабахе армянами и азербайджанцами, но их масштаб и интенсивность были намного ниже, чем в предыдущий и последующий периоды (имело место состояние "ни мира, ни войны" - ((~3)& (~4)). Изменение ситуации в 1989 -- начале 1990 г.г.- расформирование Комитета особого управления и попытки союзных властей восстановить административное подчинение Карабаха Азербайджану - т.е. восстановить состояние (2) - приводят к эскалации конфликта и его переходу в вооруженное противостояние.

Следующий этап наступает после распада СССР. Состояние ((~1)& (~2)) уже может быть реализовано не как подчинение союзному центру, а как провозглашение независимой Нагорно-Карабахской республики, либо же как некоторая форма международного протектората со стороны ООН, ОБСЕ, СНГ и т.п., или же как (кон)федеративные или договорные формы отношений между Нагорным Карабахом, с одной стороны, и Арменией и Азербайджаном. К настоящему времени первый вариант был реализован в решениях властей Нагорного Карабаха (1991-1992 г.) и состоявшимся в конце 1991 г. референдума, возможности третьего варианта обсуждались, хотя и без особого успеха (к этому варианту могла бы привести идея "общего государства", выдвинутая в 1999 году посредниками – Минской группой эгидой ОБСЕ, а также неофициальный проект “Пакт стабильности для Южного Кавказа”, выдвинутый группой Эмерсона - CEPS 1999). Аналогичные промежуточные варианты были реализованы и в случаях других конфликтов (наиболее известные случаи - это Кипр, Дейтонское соглашение по Боснии, первоначальный вариант соглашения по Косово – до ситуации международного признания независимости Косово). Закономерно, что во всех этих случаях реализуется состояние ((~3)& (~4)) - нет боевых действий, сохраняется состояние "не-войны", но за счет значительного международного военного присутствия (войска ООН на Кипре и в Боснии, НАТО в Косово), а также высокой степени вооруженности сторон конфликта. В случае Карабаха международное военное присутствие отсутствует, но ситуация "ни мира, ни войны" зафиксирована в заключенном между Азербайджаном, Арменией и Нагорным Карабахом при посредничестве России соглашении о прекращении огня 1994 года.

Как видим, в реальном пространстве политических процессов могут оказаться наиболее устойчивыми, в том числе и во временном отношении, промежуточные

---

¹⁹ Наше видение Карабахского конфликта изложено в : [Золян 2001].

неопределенные схемы. Их неопределенность заставляет думать (или создает такую иллюзию), что в будущем они должны воплотиться в более определенные "окончательные" решения. Но можно допустить, что если и не во всех, то во многих случаях наша уверенность в возможности "окончательных" решений диктуется языком - как обыденным, так и языком международного права и политики. Напротив, реальная практика показывает, что устойчивость или неустойчивость промежуточных решений

((~1)& (~2)) & ((~3)& (~4))

оказывается в зависимости от того, насколько они приближаются к "окончательным" - так, в случае Карабахского эскалация насилия возникала тогда, когда состояние дел приближалось к реализации либо состоянию (1), либо (2) - одна из сторон начинала действия, направленные на срыв реализации худшего для нее состояния. Устойчивость/неустойчивость подобных схем будет зависеть от того, насколько строго выполняются промежуточные "недоопределенные" условия, не являющиеся "худшими" ни для одной из сторон и не происходит ли их "ухудшение" для какой-либо из сторон.

Если обратиться к документам, в которых описывается текущая ситуация, можно заметить, что в них наличествует попытка преодолеть ограниченность языковых средств за счет введения особых модальных операторов - это описание ситуации де-факто и описание ситуации де-юре. Такой язык, использующий два типа модальности, смягчает жесткость исходных установок и позволяет описывать политическую ситуацию как в ее декларируемом участниками процесса виде ("де-юре"), так и в их реальном видении ("де-факто"). Но, тем не менее, подобное преодоление языка еще не является достаточным. Оно обрекает на лингво-политический дальтонизм (или орвелловское "двоемыслие") - не имеющие референции к реальности термины и схемы обретают статус должностующего быть, в то время как описывающие реальность - как нечто недолжное, хотя и имеющее место. Тем самым сама реальность выступает как нечто недолжное и требующее "редактирования" или устранения. Поэтому требуется более радикальный пересмотр используемого языка²⁰. Так, основываясь на идеях Ю.М.Лотмана [1992], можно рассмотреть возможности такого мета- и самоописания политических и социокультурных процессов, которое, во-первых, основывалось бы не на бинарных противопоставлениях (оппозициях), а на многочленных и градуальных, а во-вторых, использовало бы принцип множественности языков описания и точек зрения.

Что касается полученных нами результатов, то они могут быть развиты в двух направлениях - с одной стороны, это последующая формализация, с другой стороны, напротив, это многоаспектная содержательная интерпретация. Так, абстрагируясь от реалий Карабахского конфликта, можно, основываясь на идеях различных версий модальной логики и модальной семантики (логики предпочтений, временной логики, семантики возможных миров и т.п.) предложить формализацию и дать логическую интерпретацию основным понятиям конфликта и моделям их решения. В частности, перспективным представляется: а) экспликация понятия компромисса (не лучшее, но и не худшее ни для одной из сторон множество миров), б) представление приемлемого решения конфликта как образа будущего, совместимого с горизонтом предпочтений участников, и с) описание этого решения как процедур, позволяющих от дизъюнктивных формул, то есть от исключающих друг друга набора миров, перейти к конъюнктивным, то есть совместимым друг с другом. Такой подход может привести к изменению методологии поиска оптимального решения - это отход от попыток найти "лучший" мир,

---

²⁰ В логической семантике дело обстоит "проще" - каждый исследователь волен предложить некий новый формальный язык, что применительно к логике предпочтений и было сделано в : [Bienvenu et al , 2010]. К сожалению, конструкция предложенного соавторами языка, как нам представляется, не предусматривает какой-либо соотнесенности с естественными языками.

который может оказаться худшим для другой, и основываться не на том, чего хотят стороны конфликта, а обезопасить их от того, чего они не хотят.

Полученная схема может быть применена как к собственно Карабахскому конфликту, так и к существующей практике разрешения конфликтов в целом. Как и любой другой, Карабахский конфликт может осмысляться по-разному: могут меняться представления о сторонах конфликта и их позициях, его содержании и принципах решения. Мы попытались воспроизвести официальную международную позицию, зафиксированную в формате ведущихся переговоров по проблеме Нагорного Карабаха. Но могут быть и иные: напр., в качестве сторон могут быть рассмотрены Азербайджан и Нагорно-Карабахская Республика, или же армянская и азербайджанская общины Нагорного Карабаха, под содержанием конфликта могут пониматься не интересы сторон, а соотнесенность между принципами территориальной целостности и самоопределения, или как дано у Вригта: “факт независимости страны С ее существованию при правлении другой страной” [Вригт 1986, 415]. Безусловно, каждая подобная интерпретация будет не просто ничего не меняющей иллюстрацией, но потребует в том числе и изменения аппарата, но в целом принципы описания вполне применимы к спектру самых различных содержательных интерпретаций Карабахского, как и других конфликтов.

Другой аспект – логико-семантический анализ документов, используемых для описания конфликтов и их решения, а также эксплицитное и системное представление существующего политико-правового режима и обслуживающего его языка. В частности, можно показать логическую противоречивость и тем самым политическую неосуществимость ряда формул, вошедших в обиход миротворческого и переговорного процесса. Так мы постарались показать, что нахождению приемлемого образа будущего в некоторых случаях мешает не “злая воля” сторон, а логическая противоречивость или преднамеренная или непреднамеренная многозначность. Результаты подобной экспликации могут быть учтены в политико-правовой практике – как попытка изменить существующий концептуальный язык международных отношений, описывающих ситуации регионального конфликта как бинарную оппозицию и тем самым имплицитного решения, исходящие из подобного крайне жесткого описания [Zolian 1994, Zolyan 2006].

ЛИТЕРАТУРА

Л.Витгенштейн Логико-философский трактат. – В кн.: Людвиг Витгенштейн. Избранные работы, перевод В.Руднева.М., 2005.

Вригт фон Г.Х. Новый подход к логике предпочтения. – В кн. : Вригт фон Г.Х. Логико-философские исследования. Избранные труды. М., 1986, с.с. 449 – 482.

Золян 1994 Описание регионального конфликта как методологическая проблема. В : "Полис", АН РФ, Москва, 1994, N 2, ст. 131-142.

Золян 1996 Проблема и конфликт - попытка логико-семантического описания. В: "Полис", М., АН РФ, 1996, N 4, ст. 95-105

Золян С.Т. Между взрывом и застоём: пост-советская история как культурно-семиотическая проблема. В: ЛОГОС, N 9, 1999. М. Изд-во "Дом интеллектуальной книги", ст. 80-86.

Золян С. Язык политического конфликта – логико-семантический анализ. The language of political conflict – a logico-semantic Approach. – Central European University, E-library, 2000, <http://e-lib.rss.cz/diglib/pdf/105.pdf> - 74 с.

Золян С.Т. Нагорный Карабах: проблема и конфликт . Ер., "Лингва", 2001.

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Таллинн,1992

Прайор, А.Н. Временная логика и непрерывность времени. – В кн.: Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981, с.с.76 – 97.

А.Прайор. Предтечи временной логики. (фрагмент из книги "Прошлое, настоящее, будущее"). - "Логос", 2000, 2, с.98 -112.

В.А.Смирнов. Определение модальных операторов через временные. – В: Модальные и интенциональные логики и их применение к проблемам методологии науки. М., 1984

Я.Хинтиikka. Проблема истины в современной философии. Вопросы философии. №9, 1996.

Ashton Catherine, EU High Representative for Foreign Affairs and Security Policy and Vice President of the European Commission. Speech on Nagorny Karabakh. European Parliament Strasbourg, 6 July 2011
Bienvenu Meghyn, Lang J'er^ome , Wilson Nic. From Preference Logics to Preference Languages, and Back.- Copyright c 2010, Association for the Advancement of Artificial Intelligence (www.aaai.org).
CEPS - A Stability Pact for the Caucasus , ed. by S. Celac, M. Emerson, N.Tochi. CEPS – Center for European Policy Studies . Brussel, - www.ceps.be .

Suren Zolian (Zolyan). New approaches to regional conflicts. In: "Fourth world review, London, 1994, No 63, also in : Contrasts and Solutions in the Caucasus, Aarhus University Press, 2000, 112-118.

Suren Zolian (Zolyan). Conflict as a Logico-Semantic Problem. In: Synopsis, v. 5, Encounter of cultures: from collision to dialogue. Yerevan, 1995, pp. 93-101

Suren Zolyan. Politico-legal approaches to the settlement of regional conflicts in Europe. Russian Analitica. Human rights and righthts of peoples. Moscow, 2006, pp. 47 -62.

Касториадис Корнелиус.

К 288 Воображаемое установление общества. Пер с фр./Пер Г. Волковой, С. Офертаса. Москва: Издательство "Гнозис", Издательство "Логос", 2003, 480 с.

ISBN 5-8163-0047-4

© Castoriadis, C. *L'Institution imaginaire de la societe* (1975), Editions du Seuil. © Издательство "Гнозис" (Москва)

Бенвенист – Сосюр полвека спустя – в кн.

Роман Якобсон В поисках сущности языка

Мандельштам Разговор о Данте